Анна Гаврилова

Шестерня и Призрак

Анна Гаврилова

Шестерня и Призрак

«Автор»

2026

Гаврилова А.

Шестерня и Призрак / А. Гаврилова — «Автор», 2026

Она помнит всё. Каждую пылинку на старых фолиантах. Её память — дар и проклятие.Ева Шеффер, младший помощник хранителя в Башне Архивов, привыкла к запаху пыли и машинного масла. Её мир — это мир пара и железной логики, где магия объявлена ересью. Но однажды на пыльной полке закрытого сектора она находит чертёж, который дышит и пульсирует теплом. Его создал безумный гений Арат, запертый в собственной башне.Мир ломается в одну ночь. Небо рассекают голубые вены, из теней рождаются голодные Сущности. Еве предстоит бежать в город, которого нет на картах, встретиться лицом к лицу с чудовищем в облике её погибшего деда и переписать реальность.«Если тебе меньше тридцати — считай, я в тебя поверил».Магия возвращается. Она голодна. Но, возможно, её можно исцелить. Так же, как сломанную шестерню.

© Гаврилова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Шестерня 5
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Анна Гаврилова
Шестерня и Призрак

Часть первая. Шестерня

Глава первая.

Башня Архивов пахла пылью, старым железом и чужими ошибками. Запах этот был плотным, слоистым — как хороший табак, который курил дед. Верхний слой: сухая пыль, та, что скапливается на корешках книг, которые не открывали десятилетиями. Ниже: горячее масло ламп, разогретых до такого состояния, что они начинали попахивать гарью. Ещё ниже: металл — не ржавый, а просто старый, уставший, впитавший в себя тысячи прикосновений. И в самой глубине, почти неуловимый: запах плесени, которая росла где-то на нижних ярусах, в темноте, куда не заглядывали даже уборщики. Ева любила этот запах. Он был запахом её детства. Когда она была маленькой — лет шести или семи, — дед приводил её сюда по выходным. Гильдия не разрешала посторонним находиться в Архивах, но для Прокла Шеффера делали исключение. «Моя внучка тише мыши, — говорил он начальнику караула, подмигивая Еве. — И полезнее трёх взрослых архивариусов. Вы ещё спасибо мне скажете». Начальник караула качал головой, но пропускал. И Ева шла за дедом по бесконечным коридорам, вдыхая этот самый запах и чувствуя себя частью чего-то огромного, древнего, важного. Дед тогда работал старшим архивариусом. Его кабинет находился на третьем ярусе, в южной галерее, и оттуда открывался вид на весь Фарос: ярусы жилых кварталов, спускающиеся террасами к реке; трубы заводов, извергающие дым; переплетение мостов и трубопроводов, похожее на кровеносную систему гигантского стального зверя. Ева часами сидела на подоконнике, болтала ногами и слушала, как дед рассказывает о своей работе. Он говорил:

«Архив — это не просто склад бумаг, внучка. Архив — это память мира. Всё, что люди придумали, всё, что построили, всё, в чём ошиблись, — всё здесь. Если ты хочешь понять, как устроен мир, — читай архивы. Если ты хочешь понять, как устроены люди, — читай архивы. Если ты хочешь понять, как устроена ты сама, — читай архивы. Только учти: правду там найти труднее, чем иголку в стоге сена. Потому что люди врут. Даже когда пишут отчёты для Гильдии — врут. Приукрашивают. Недоговаривают. И настоящий архивариус должен уметь читать между строк».

Маленькая Ева не очень понимала, что значит «читать между строк», но запоминала. Она вообще всё запоминала — это было её даром и её проклятием. Дед заметил это, когда ей было четыре года: она пересказала ему сказку, которую он рассказывал месяц назад, слово в слово, со всеми интонациями и паузами. Дед тогда замолчал на минуту, потом снял очки, протёр их и сказал: —Ну, внучка, с такой памятью тебе прямая дорога в Архивы. Будешь ходячей картотекой.

И рассмеялся. Но в его смехе Ева уловила странную нотку — не радость, не гордость, а скорее беспокойство. Будто он знал что-то, чего не говорил. Сейчас, двадцать лет спустя, Ева поняла, что он действительно знал. Знал, что её память — это не просто особенность, а инструмент. Оружие. Или ключ. Но тогда, в детстве, она просто радовалась, что может удивлять деда. Она сидела за столом, который достался ей от предшественника — некоего Филиппа Кроу, которого полгода назад повысили до старшего архивариуса Восточного крыла. Стол был старым, массивным, весь в царапинах. Столешница, когда-то покрытая лаком, протёрлась в том месте, где поколения писарей клали запястье, выводя описи. Слева зияла выбоина — след от упавшего парового пресса (Ева знала эту историю: пресс уронил практикант в год 187-й

по Остыванию, его, разумеется, выгнали). Правая ножка была подложена кирпичом — не простым, а с клеймом «Кирпичный заводъ братьевъ Грюмъ, годъ 173-й». Она помнила это клеймо в мельчайших деталях: литейщик явно страдал от похмелья, потому что буква «ю» ушла вниз, а хвостик «ъ» получился длиннее обычного. Ева могла бы нарисовать этот кирпич по памяти с закрытыми глазами, воспроизведя все неровности обжига. Очки съезжали на кончик носа. Она поправила их привычным жестом — указательным пальцем подтолкнула дужку вверх, туда, где на стали была выгравирована крошечная шестерёнка. Дед когда-то сказал, что эти очки — особенные. Что линзы сделаны из стекла, которое он сам выплавлял в подвальной печи, добавив в массу что-то, что «поможет глазам видеть правду». Ева не знала, правда ли это, но очки действительно были необычными: сквозь них мир выглядел чуть более чётким, чем без них, даже если линзы были грязными. А сейчас они были грязными — Ева не протирала их с утра, потому что с утра рылась в старых описях, и руки у неё были в пыли.

За окном клубился смог. Фарос — столица Рационалии, государства, построенного на принципах разума, порядка и паровой тяги, — никогда не видел чистого неба. Даже в самый солнечный день город окутывала дымка, а в пасмурные дни казалось, что живёшь на дне грязного аквариума. Солнце — вечное, тусклое, как старая масляная лампа — едва пробивалось сквозь завесу. Ева смотрела на него и думала, что мир устроен неправильно. Должен быть свет. Должно быть тепло. А вместо этого — смог, гарь и бесконечные отчёты. — Ева! Голос Мюллера прозвучал как удар гонга.

Она вздрогнула и обернулась. Старший хранитель Архивов стоял в дверях, заполняя проём своей массивной фигурой. Эрнст Мюллер был человеком, которого природа создала, кажется, специально для того, чтобы пугать подчинённых. Ростом он был невысок, но ширина плеч и бочкообразная грудная клетка делали его похожим на шкаф. Усы, предмет его особой гордости, свисали ниже подбородка и были такого густого пепельного цвета, что в них, по слухам, действительно можно было спрятать угольный брикет. Ева однажды, ещё в первый год работы, имела неосторожность спросить его об этом. Мюллер посмотрел на неё долгим взглядом и ответил: «Не брикет, госпожа Шеффер. Два брикета. По одному на каждый ус». И ушёл. Она до сих пор не знала, шутил он или нет.

— Ты опять пялишься в окно, — сказал Мюллер, подходя ближе. Половицы жалобно скрипели под его весом. — Четвёртый раз за утро. Я считал.

— Я думаю, — ответила Ева, не отводя взгляда от мутного стекла.

— Думать будешь дома. А здесь — работа. — Он остановился у её стола и положил на стопку бумаг тяжёлую ладонь.

Ладонь была покрыта чернильными пятнами — Мюллер, несмотря на свою кажущуюся грубость, был дотошным служакой и лично проверял каждую опись.

— Восьмой сектор, опись двадцать три. Говорят, там проплешина. Разберись. У Евы внутри что-то щёлкнуло. Не сердце — сердце как раз забилось быстрее, — а та часть сознания, которая отвечала за мгновенный анализ информации. Восьмой сектор. Опись двадцать три. Серия «Эпсилон-7». Она помнила эту серию. Закрытые дела, признанные «еретическими» после указа об Искоренении Пережитков. Доступ к ним имели только старшие архивариусы и инспекторы Схемы. А она, младший помощник, не имела права даже приближаться к этим полкам.

— Какая проплешина? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. Не получилось. Голос дрогнул — едва заметно, на долю тона, но Мюллер, при всей своей внешней неповоротливости, был наблюдателен. Его маленькие глазки прищурились.

— Пустая полка, — сказал он медленно, смакуя слова, как человек, который знает больше, чем говорит. — Я послал туда Филиппа. Того самого, что раньше сидел за твоим столом. Парень вернулся белый как свечной воск. Трясся так, что пришлось отпаивать его горячим чаем. Говорит, будто кто-то вынул портфель, а замок висит целый. Не взломан — целый.

Висит, как висел, только за ним — пустота. — Он помолчал. — Я, конечно, понимаю, что Восьмой сектор — место странное. Там старые стены, сквозняки, крысы. Но портфель не мог испариться сам собой. Кто-то его взял. И я хочу знать, кто. Ева молчала. Мюллер смотрел на неё в упор. В воздухе повисло напряжение. — Ты что-то знаешь, — сказал он наконец. — По лицу вижу.

— Я ничего не знаю, — ответила она.

И это было почти правдой. Она действительно не знала, кто взял портфель. Но догадывалась. И эти догадки были такими опасными, что она не могла произнести их вслух.

— Ну-ну, — Мюллер фыркнул. — Иди. Но не копайся. У нас в четыре проверка из Центрального Бюро Схемы. Если они увидят беспорядок в Восьмом секторе, нам обоим не поздоровится. Мне — потому что я старший хранитель. Тебе — потому что ты внучка Прокла. А к Проклу у Бюро... особое отношение.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах угольного мыла и лёгкое облачко пыли, поднятое его шагами. Ева сидела неподвижно, чувствуя, как в голове с бешеной скоростью вращаются шестерёнки мыслей.

Восьмой сектор. Серия «Эпсилон-7». Она знала эту полку. Вчера, поздно вечером, когда все архивариусы разошлись по домам, а Мюллер заперся в своём кабинете (она слышала звон стекла — он доставал бутылку, которую прятал в сейфе за старыми чертежами, и Ева делала вид, что не знает об этом), она пробиралась в закрытый фонд. Искала схему парового преобразователя для своего личного проекта — дерзкого, крамольного, совершенно захватывающего. Дома, в дедовом подвале, она третий месяц пыталась собрать устройство, которое могло бы черпать энергию не из угля и не из пара, а из чего-то иного. Из того, что старые книги называли «остаточной магией». И тогда, роясь в описях при свете потайного фонаря, она наткнулась на запись: «Полка 8/23/07. Портфель инженера Арата. Поступление: год 192-й по Остыванию. Статус: изъято из общего доступа. Причина: ересь первой степени». Арат. Это имя звучало для неё как колокол. Дед рассказывал о нём — шёпотом, по ночам, когда они сидели в мастерской, и ей полагалось спать, но она не спала, потому что истории деда были интереснее любых снов.

Арат был легендарным инженером, гением, еретиком, безумцем – называли его по-разному, но сходились в одном: он жил задолго до Остывания Магии, почти четыреста лет назад, и пытался повернуть историю вспять. Пытался вернуть то, что мир потерял. Говорили, что он создал устройство, способное открыть проход между миром механики и миром магии. Говорили, что за это его казнили — сожгли на площади, а пепел развеяли над рекой. Говорили, что он не умер, а спрятался где-то, замуровав себя в собственной Башне. Тогда, при свете фонаря, Ева только вздохнула и пошла дальше.

Ну, портфель. Ну, Арат. Мало ли в Архивах хранится старых бумаг? Но сейчас, после слов Мюллера, всё выглядело иначе. Портфель исчез. Замок цел. Филипп вернулся белый от страха. И проверка из Бюро Схемы — именно сегодня. Совпадений не бывает. Дед учил её этому.

«Если тебе кажется, что события складываются в цепочку, — говорил он, — значит, так оно и есть. В механике нет случайностей, внучка. В жизни — тоже. Просто в жизни цепочки сложнее, и не всегда видно, где причина, а где следствие».

Ева встала. Кирпич под ножкой стола жалобно скрипнул — ей показалось, или звук был похож на предостерегающий стон? Она поправила очки, одёрнула сюртук и вышла в коридор.

Коридоры Архивов были узкими, как капилляры. Дед говорил:

—Архив — это живой организм. У него есть сердце — центральное хранилище. Есть лёгкие — вентиляционные шахты. Есть артерии — главные галереи. И есть капилляры — коридоры восьмого и ниже уровней, куда никто не ходит, но без которых система не дышит.

Ева знала этот организм наизусть. Она провела здесь три года — и ещё много лет в детстве, когда дед водил её по тайным ходам, показывая то, что не видели даже старшие архивариусы.

—Здесь, внучка, — говорил он, открывая неприметную дверцу за гобеленом с изображением Первого Парового Совета, — запасной выход. Если случится пожар — беги сюда. А здесь, — он отодвигал панель в стене, — старый дренажный колодец. Если за тобой погоня — прыгай, не раздумывая. Внизу мягкая земля, не убьёшься.

Маленькая Ева слушала и запоминала. Она не знала, зачем дед учит её прятаться и убегать. Теперь, спустя восемнадцать лет после его исчезновения, она начинала понимать. Она шла быстро, почти бесшумно — кожаные подошвы форменных ботинок мягко ступали по каменным плитам. Лампы на стенах шипели, то загораясь, то угасая.

В Архивах экономили масло, и освещение работало по хитрой системе, изобретённой ещё при деде: лампы загорались там, где проходил человек, и гасли через минуту после того, как он сворачивал. За спиной Евы коридор медленно погружался в темноту. Шестой поворот — налево. Здесь пахло старой бумагой и чуть-чуть — мышами. Восьмой — направо. Здесь было холоднее, и из вентиляционной решётки тянуло сквозняком. Четырнадцатый — вниз по лестнице, три пролёта, ступени стоптаны тысячами ног. Ева считала повороты машинально, погружённая в свои мысли. Восьмой сектор располагался в той части Башни, куда редко заходили даже старшие архивариусы. Здесь было темнее, чем в главных галереях — лампы горели через одну. Пахло не только пылью, но и плесенью: где-то протекала труба, и Гильдия который год не могла найти место протечки. Пахло забытыми чертежами, старыми тайнами и чем-то ещё — сладким, приторным, как от дедовских свечей. Ева нахмурилась. Этот запах был ей незнаком — и одновременно смутно знаком, как будто она слышала его в детстве, но не могла вспомнить где. Полка 8/23/07 находилась в самом конце сектора, за рядом старых картотечных шкафов. Ева подошла к ней и остановилась. Мюллер не преувеличивал. Полка была пуста. Но пуста не так, как бывает, когда коробку вынимают, оставляя слой пыли по контуру, — нет, она была пуста идеально, как будто её вытерли тщательно и с умыслом. Ни пылинки, ни соринки. Только голое дерево, потемневшее от времени, с чуть заметными следами от стоявшего здесь десятилетиями портфеля. Дужка замка висела на месте. Латунная, тусклая, с печатью Бюро Схемы — перекрещенные молот и шестерня в круге. Ева потрогала её пальцем. Замок был заперт – дужка захлопнута, но ключ торчал в скважине, повёрнутый на пол-оборота. «Странно, – подумала Ева. – Ключ оставили специально, чтобы показать: замок не взламывали. Свой открыл, вынул портфель, а потом запер пустую дужку». Она потянула ключ на себя – он вышел легко. Замок щёлкнул, раскрылся. Но портфеля не было. «Эгида-4», определила она. Замок второго класса защиты, почти невозможно взломать без специального инструмента. И тем не менее портфель исчез. Ева прищурилась. Её глаза за толстыми линзами дедовых очков скользили по полке, выхватывая детали, которые не заметил бы обычный человек. Она опустилась на корточки, провела пальцем по дереву. Пыли не было. Вообще. Но на соседней полке, чуть ниже уровня пояса, она увидела то, что искала. Царапина. Длинная, неглубокая — металлом о дерево. Свежая. Ворсинки на зазубрине лежали в одном направлении — будто что-то тащили торопливо, но старательно, чтобы не повредить. Ева наклонилась ближе, почти касаясь носом стеллажа. От царапины пахло — едва уловимо, но она почувствовала. Кожа. Машинное масло. И что-то ещё — тот самый сладковатый запах, который она ощутила, войдя в сектор.

— Перчатка, — прошептала она. — Кожаная, со стальной окантовкой по краю манжеты. Такие носят только... Инспекторы Схемы.

Те самые люди, которые имели право входить в любой архив, в любое хранилище, в любое время суток. Которые искали ересь. Которые выносили приговоры за «непорядок». Которые восемнадцать лет назад пришли за её дедом. Сердце забилось быстрее. Она заставила себя дышать ровно — «паника — плохой советчик, внучка, если испугалась — остановись,

посмотри, найди причину» — и сунула руку в пустой проём. Пальцы нащупали гладкое дерево задней стенки. Она провела глубже, в самую щель между досками. И там, в пазу, что-то шуршало. Бумага. Она вытащила её осторожно, двумя пальцами, как вытаскивают осколок из раны. Лист. Один-единственный, вырванный из середины. Рваные края. Бумага старая, тряпичная, плотная — такую использовали в имперских канцеляриях лет двести-триста назад. Она не пожелтела, только чуть потемнела по краям, и пахла не плесенью, а чем-то иным — сладким, с оттенком озона.

Ева поднесла лист к свету единственной горевшей лампы и развернула. И в тот же миг забыла, как дышать. Это была схема. Но не обычная, не паровой клапан и не распределитель, — линии переплетались, расходились и сходились, образуя структуру, похожую одновременно на нервную систему и на карту звёздного неба. Узлы обозначались символами, которых Ева не знала, — а она знала все символы, используемые в технической документации последних трёхсот лет. Эти символы были другими. Текучими. Живыми. Они словно двигались на бумаге, хотя Ева понимала, что это невозможно. В нижнем углу стояла подпись — размашистая, с завитушками: «Арат, год 108-й до Остывания». И ниже, каллиграфическим почерком, более мелким, более аккуратным, будто добавленным позже и в другом настроении:

«Если тебе меньше тридцати, и ты это читаешь — считай, я в тебя поверил. Арат».

Ева перечитала трижды. Потом усмехнулась — нервно, коротко. Потом перечитала ещё раз. А потом сделала то, чего никогда не делала на работе: села прямо на пол, прислонилась спиной к стеллажу и уставилась в потолок, где лениво кружила моль. В голове щёлкало и складывалось. Механизм логики, отлаженный дедом, работал на полную мощность.

Факт первый: портфель Арата хранился здесь триста лет — и никому не было до него дела.

Факт второй: на прошлой неделе в Архивах побывали инспекторы Схемы. Ева сама видела, как трое в серых плащах с бронзовыми пряжками входили в кабинет Мюллера, и слышала обрывки разговора: «...старые дела... серия Эпсилон... изъять...». Тогда она не придала этому значения.

Факт третий: они искали что-то конкретное. Вытаскивали портфель — торопливо, но аккуратно. Спешили. Знали, что в портфеле содержится нечто важное.

Факт четвёртый: этот лист либо выпал при извлечении, либо оставлен намеренно. Зачем? Как послание? Как ловушка?

Она перевернула лист. На обороте была ещё одна надпись — та же рука, тот же размашистый почерк, но буквы прыгали, будто их писали в волнении: «*Преобразователь восьмого порядка. Нестабилен. Опасен. Но если кто-то найдёт это — значит, магия возвращается. А если магия возвращается — значит, я ошибся, и время ещё есть. Ищи меня там, где сходятся четыре ветра и ни один не дует. Меридиан*».

Меридиан. Город, которого не было на картах. Дед однажды упомянул его — вскользь, когда рассказывал сказку про Арата.

«Говорят, он спрятал свою Башню где-то на севере, за горами. Там, где стоит город Меридиан. Но ты не ищи его, внучка. Нет такого города. И никогда не было».

Тогда Ева не стала спорить, но заметила, как у деда дрогнул голос. Теперь она понимала: он врал. Он точно знал, где находится Меридиан. Она сложила лист. Сунула его во внутренний карман сюртука — туда, где он лежал бы прямо под сердцем. Женской одежды в Архивах не полагалось, и она носила тот же серый форменный сюртук, что и мужчины. Он был ей великоват, но она ушила его по фигуре, и теперь он сидел почти хорошо — только в плечах жал, когда она поднимала руки. Поправила очки. Сжала кулаки. Пальцы дрожали — не от испуга, а от восторга. От предвкушения. От чувства, что её жизнь, такая размеренная и предсказуемая, только что сделала крутой поворот.

— Арат, — сказала она шёпотом, обращаясь к листу в кармане, — ты или гений, или идиот. И я пока не знаю, кто из нас хуже. Потому что я собираюсь тебя найти.

Внизу, в главном холле Башни, хлопнула дверь. Тяжёлый, металлический звук — так хлопают только массивные дубовые створки, ведущие с улицы. Ева замерла. Послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, не принадлежащие никому из знакомых архивариусов. Мюллер ходил враскачку, Филипп семенил, а эти шаги были военными — чёткими, размеренными, с металлическим стуком каблуков. Инспекторы. Ева метнулась в боковой проход — узкую щель между стеллажами, которую знала только она. Дед показал ей этот путь много лет назад: за старым гобеленом (она могла бы перечислить всех изображённых на нём Первых Механиков по именам, включая толстяка в углу, который на самом деле был не механиком, а меценатом, профинансировавшим гобелен) скрывался проход к чёрной лестнице. Узкий, тёмный, пахнущий известкой и мышиным помётом. Она протиснулась внутрь и замерла, прижавшись спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле. В висках стучало. Но слух — её острый, музыкальный слух — работал безупречно.

— Полка пуста, — произнёс первый голос. Мужской, низкий, с металлической хрипотцой — будто у говорившего был паровой голосовой модулятор. — Портфель у нас. Но Арат был хитёр. Он знал, что мы придём. Мог оставить закладку.

— Искать, — ответил второй. Более молодой, но холодный, как лёд. — Каждую щель. Каждый зазор. Если найдёте хоть клочок бумаги — ко мне.

— А девчонка? — спросил первый. — Та, что работает здесь. Внучка Прокла. Ева задержала дыхание.

— Что — девчонка? — хрипотца стала резче.

— Если она нашла что-то — узнаем. Если нет — не важно. Она ничего не знает о своём деде.

— Вы уверены?

— Уверен. Прокл был дурак, но не настолько, чтобы впутывать ребёнка. Она просто архивариус. Мелкая сошка. Пошли, обыщем сектор.

Шаги удалились. Ева выждала ещё минуту, считая удары сердца, — их набралось девяносто три. Потом скользнула вглубь прохода, к чёрной лестнице. Три пролёта вниз — ступени скрипели, но она знала, куда наступать, чтобы скрип был тише. Ещё два пролёта. Люк в подвал — старый, ржавый, но петли она смазала сама, в первый же месяц работы. Дальше — водосточная труба, холодная, мокрая, пахнущая тиной. И наконец — свет в конце, замаскированный решёткой. Она вывалилась в переулок за Гильдией, как пробка из бутылки шампанского, — с мокрым чмоканьем, вся в паутине и саже. Сюртук был безнадёжно испорчен, очки запотели, в волосах запуталась какая-то дрянь. Но она была на свободе. И в кармане у неё лежал чертёж, который стоил бы ей головы, если бы его нашли.

Ева прислонилась к стене, переводя дух. Переулок был пуст. Серое небо над головой, грязная брусчатка под ногами. Где-то далеко гремели паровые молоты. И вдруг — тишина. Слишком полная, слишком глубокая, как затишье перед бурей. Она подняла глаза к небу. Сам не зная почему, она вдруг вспомнила слова Арата: «Не смотри в небо после полуночи». Но сейчас был полдень. И небо было обычным — серым, скучным, затянутым смогом. Никаких голубых вен. Никакой магии. И всё же где-то в глубине, в самом низу живота, у неё поселилось странное, тревожное чувство. Чувство, что всё только начинается. Она поправила очки и улыбнулась — впервые за день.

— Найду, — сказала она тихо, обращаясь неизвестно к кому. — И тебя, Арат, и правду о деде. Найду.

И зашагала прочь от Башни, сжимая в кармане лист с чертежом, который пульсировал теплом, как живое сердце.

Глава вторая

Переулок за Гильдией всегда был шумным. В обычные дни здесь сновали торговцы с лотками, кричали разносчики, ругались возчики, чьи паровые телеги застревали в узких проездах, и хохотали девки из соседнего квартала, курившие дешёвые сигареты прямо на ступеньках. Но сейчас — тишина. Глубокая, ватная, неестественная тишина, какая бывает только в склепе или в заброшенном доме. Ева стояла, прижавшись спиной к стене, и слушала. Слух — её верный инструмент, её единственное преимущество в мире, где она была слишком хрупкой и слишком странной, — не находил привычных звуков. Ни грохота молотов с Нижнего уровня (обычно он был постоянным фоном, как сердцебиение огромного механического зверя). Ни гудков паровых экипажей. Ни людских голосов. Только шипение — высокое, тонкое, как далёкий чайник.

И запах. Запах изменился. Исчезла привычная вонь угольной гари и машинного масла. Вместо этого пахло озоном — так, как пахнет воздух после грозы, когда молния расщепляет небо. И мокрой землёй — хотя дождя не было уже несколько дней. И чем-то сладким, приторным, как старые дедовы свечи, которые он зажигал только по особым дням, когда рассказывал ей про магию. — Ерунда, — сказала Ева вслух. Голос прозвучал глухо, неестественно, будто она говорила в подушку. — Этого не может быть.

Она двинулась к дому быстрым шагом. Каблуки стучали по брусчатке — и этот звук казался единственным настоящим в целом мире. Она прошла два квартала. Три. Четыре. Ни одного человека. Двери домов были закрыты, окна задёрнуты шторами. Только ветер гонял по мостовой обрывки бумаги и сухие листья. А потом она увидела первого. Мужчина лет сорока, в промасленной робе кочегара, стоял посреди мостовой, лицом к небу. Его рот был приоткрыт, глаза выпучены так, что белки казались огромными. Из ушей текла тонкая струйка крови — уже загустевшая, тёмная. Он не шевелился. Не дышал — точнее, дышал, но как-то странно: грудная клетка вздымалась и опадала часто, поверхностно, как у спящего, который видит страшный сон.

— Эй! — Ева рванулась к нему, схватила за рукав. — Вы в порядке? Что с вами?

Мужчина не реагировал. Она встряхнула его, похлопала по щекам. Бесполезно. Кожа была тёплой — даже слишком тёплой для живого. Ева схватила его за запястье, нащупала пульс. Ничего. Сердце не билось.

— Чёрт, чёрт, чёрт, — прошептала она, отступая.

И тут небо полыхнуло. Не молния. Не взрыв. Не фейерверк. Просто в серой мгле над крышами Фароса зажглась голубая вена — тонкая, извилистая, пульсирующая, как кровеносный сосуд, проступивший сквозь облака. Она тянулась от горизонта до горизонта, разветвлялась на более мелкие сосуды, те — на капилляры, и вся эта сеть секунду-другую пульсировала нестерпимым, режущим глаза светом, а затем исчезла, оставив на сетчатке фиолетовый след. Ева стояла, задрав голову. Очки запотели от её участившегося дыхания. Она сняла их, протёрла, нацепила снова. Небо было обычным — серым, пустым. Только где-то далеко, над Башней Архивов, ещё тлел слабый голубой огонёк. В голове прозвучал дедов голос — тихий, спокойный, словно он стоял рядом: *«Магия не умирает, внучка. Она уходит в спячку, когда люди перестают в неё верить. А когда возвращается... о, когда она возвращается, она голодная. И первое, что она делает, — находит тех, кто помнит. Тех, кто не разучился её звать».*

— Проснулась, — прошептала Ева, касаясь кармана с чертежом.

Ткань была горячей. Лист пульсировал теплом, как маленькое сердце, пригревшееся у её груди. Мужчина на мостовой вдруг дернулся. Ева отпрянула. Его тело обмякло и стало оседать — медленно, как подтаявшая свеча. Она попыталась подхватить его, но не успела: он рухнул на брусчатку лицом вниз и замер. На его губах застыла улыбка — слабая, едва заметная, как будто перед смертью он увидел что-то прекрасное.

Ева перевернула его. Глаза были закрыты. Кровь из ушей перестала течь. Лицо спокойное, почти умиротворённое. Она стояла над ним, тяжело дыша, и думала, что нужно бежать. Бежать домой, запереться в подвале, переждать. Но вместо этого она закрыла ему глаза —

аккуратно, как учил дед — и прошептала: «Прости. Я не знаю, кто ты. Но я запомню тебя». И побежала.

До дома оставалось три квартала, когда улицу перегородили колонны. Они выросли прямо из мостовой — три гигантских каменных столба, витых, как рогалики, высотой с пятиэтажный дом. Камень был чёрным, матовым, но внутри него пульсировали голубые прожилки — те самые, что она видела в небе. Колонны торчали под углом в сорок пять градусов, будто их вбили в землю сверху, с небес. Вокруг пахло озоном и мокрой землёй. На кончиках колонн дрожал воздух — не огонь, а само пространство, искажённое и раскалённое. Ева обошла колонны ползком, через соседский подвал. Дверь была выбита, внутри всё перевёрнуто. Мебель лежала вповалку, на стенах горели странные пятна — фосфоресцирующие, как гнилушки в лесу. Она не стала задерживаться. Выбралась через чёрный ход — и наконец увидела свой дом. Он уцелел. Дверь подвала была сорвана с петель, но замок висел на месте — запертый, целый. Будто кто-то открыл его изнутри. Ева замерла на пороге. Из подвала лился свет — слабый, колеблющийся, синеватый. Она знала этот свет. Так горела только одна лампа в её хозяйстве. Та самая, масляная, которую она не зажигала с прошлой зимы.

— Ну конечно, — пробормотала Ева и шагнула внутрь.

Подвал был разгромлен. Стеллажи опрокинуты, чертежи разметаны по полу, как осенние листья. Инструменты с верстака сметены. И только лампа — дедова лампа, с треснувшим стеклянным колпаком — горела на верстаке ровным синим пламенем. Без масла. Без фитиля. Просто горела, источая холодный, негреющий свет и всё тот же запах озона.

Ева села на перевёрнутый ящик и вытащила чертёж Арата. Линии на нём двигались. Они текли, переливались, собирались в золотистые символы, которые она не узнавала, но интуитивно понимала. В центре листа пульсировала голубая вена. А потом — прямо у неё в голове, беззвучно, но отчётливо, как мысль, вложенная в мозг, — прозвучал голос.

«Началось. Если ты это слышишь — ты не просто нашла чертёж. Ты его активировала. Поздравляю, девочка. Ты — Ключ. Магия возвращается через тех, кто помнит. А ты помнишь всё, верно? Беги в Меридиан. Там объяснят. И, Ева... не смотри в небо после полуночи. Не потому, что там что-то плохое. Просто ты можешь увидеть то, к чему ещё не готова. А нам нужно, чтобы ты дошла до Меридиана живой и в здравом рассудке. Удачи, внучка Прокла».

Голос смолк. Чертёж погас, став просто старой бумагой. Ева сидела, держа его в руках, и чувствовала, как внутри разливается холод. Страх. Но вместе с ним — азарт. Она встала, подошла к осколку зеркала на стене и посмотрела на себя. Оттуда глядела женщина, которую она почти не узнавала. Короткие русые волосы торчали в разные стороны. Серо-зелёные глаза за толстыми линзами смотрели остро, внимательно — и, несмотря на страх, в них горел огонёк. Тонкие руки, перепачканные сажей, сжимались в кулаки. На левой скуле — царапина.

— Ты не герой, — сказала она отражению. — Ты младший помощник хранителя архивов. Ты боишься. И ты пойдёшь, потому что дед учил тебя не сдаваться.

Она надела сюртук. Сунула чертёж во внутренний карман. Нашла в ящике дедов компас — стрелка дрогнула и показала на юго-восток. Взяла паровой револьвер (незаряженный, но тяжёлый — просто чтобы чувствовать себя увереннее). Открыла дверь и вышла в ночь.

Небо над Фаросом переливалось синим, голубым, фиолетовым. По улицам стояли люди — неподвижные, с пустыми лицами. Они смотрели вверх и улыбались. Ева прошла мимо них, стараясь не встречаться глазами. У городских ворот её ждала печать — та самая, с тремя спиралями в круге. Чертёж в кармане вспыхнул, и печать рассыпалась искрами. Ворота открылись. Ева шагнула на Тракт Четырёх Ветров — старую дорогу, ведущую на юго-восток. Впереди лежал Меридиан. И где-то там, за горами, за равнинами, за туманами, ждал Арат. И правда о деде. Она поправила очки и зашагала в темноту.

Глава третья

Тракт Четырёх Ветров был стар. Древнее Фароса, древнее Гильдии, древнее самой Рационалии — так говорил дед, когда рассказывал о временах до Остывания.

— Этой дорогой ходили ещё тогда, когда магия была свободной, — говорил он, попыхивая трубкой. — Караваны везли товары с севера на юг, а Сущности летели рядом, освещая путь. Теперь никто не помнит об этом. Но камни помнят. Камни всегда помнят.

Ева шла по этим камням уже несколько часов. Солнце, по-прежнему тусклое и размытое, перевалило за полдень. Вокруг расстилалась холмистая равнина, поросшая низким кустарником — колючим, цепким, пахнущим полынью. Дорога была пустынной — ни людей, ни повозок, ни даже диких зверей. Только ветер гудел в расщелинах скал, да изредка с неба срывалась одинокая птица. Но она была не одна. Ещё на первом часу пути она заметила, что вокруг начали появляться люди. Сначала — один, на обочине: мужчина в разорванной рубахе, бредущий, шатаясь, как пьяный. Потом — ещё двое, женщина с ребёнком на руках, идущая молча, не глядя по сторонам. Потом — целая группа: человек десять, все в домашней одежде, с узелками в руках. Они шли в том же направлении, что и Ева, — на юго-восток. И у всех у них были одинаковые лица: серые, осунувшиеся, с пустыми глазами. Никто не разговаривал. Никто не спрашивал дорогу. Они просто шли — как будто слышали зов, которого Ева не слышала.

К полудню она остановилась передохнуть у скалы, похожей на покосившуюся башню. Села на камень, достала флягу и краюху хлеба. И услышала звук.

Он доносился откуда-то из-за поворота — низкий, ритмичный, механический. Не паровой молот. Что-то меньше. Что-то, что работало с размеренностью хорошо отлаженного механизма. Ева поднялась и пошла на звук. За поворотом, на большом валуне у обочины, сидел человек. Он был немолод — лет пятидесяти, может, больше, — с лицом, изрезанным морщинами, и старым шрамом на лбу, который тянулся от виска к переносице. Левая рука его была механической: сложное переплетение латунных шестерён, поршней и паровых клапанов, всё в масле и копоти. Протез мерно гудел, издавая тот самый звук, который привлёк Еву. Мужчина ковырялся в запястье маленькой отвёрткой, подтягивая какой-то винт. Его глаза были открыты, но бельма закрывали зрачки. Слепой.

— Добрый день, — сказала Ева, останавливаясь в трёх шагах.

Мужчина поднял голову. Его белые, мутные глаза странным образом смотрели точно на неё. Он улыбнулся — улыбка у него была щербатой, не хватало двух передних зубов, но от этого она казалась только добрее.

— Добрый, — ответил он скрипучим голосом. — Только не говори, что видишь. Я слышу шаги, слышу дыхание, слышу, как стучит твоё сердце. Оно стучит быстро, девочка. Ты напугана. Но не мной. Чем-то другим.

— Вы... вы слышите моё сердце? — удивилась Ева.

— Я слышу много чего. С тех пор как ослеп. — Он вытер руки о промасленную тряпку и спрятал отвёртку в карман. — Зовут Коваль. Тридцать два года в котельной четвёртого сектора Фароса. Знал каждую заклёпку, каждый клапан. Мог на слух определить, где давление упало, где труба треснула. А потом пришёл Всплеск. Я стоял у распределительного щита и увидел свет. Голубой. И все линии — линии пара, потоки энергии, биение сердца мира — стали видны. На секунду. А потом — тьма.

— Тьма? — переспросила Ева.

— Слепота. Но не обычная. Я перестал видеть свет, но начал видеть... другое. Тепло. Энергию. Ты, например, сейчас горишь, как маленькое солнце. У тебя в кармане что-то мощное. Я чувствую его жар.

Ева машинально прижала руку к груди, где лежал чертёж.

— Не бойся, — сказал Коваль. — Я не охотник за артефактами. Я просто старый механик. И я тоже иду в Меридиан. Говорят, там ответы.

— Вы знаете, что такое Меридиан?

— Знал когда-то. Давно. Ещё до того, как магия ушла. — Он помолчал. — Слушай, девочка. У тебя добрый голос, и сердце твоё стучит ровно, хоть и быстро. Ты ищешь правду. Я чую. Давай идти вместе. Мне нужны глаза, тебе — нюх на механизмы. Слепой механик, который видит тепло, — плохой спутник?

Ева подумала секунду.

— Хороший, — сказала она. — Идём.

Они шли до самого вечера. Коваль оказался быстрым и выносливым ходоком — его протез, как выяснилось, не только заменял руку, но и помогал идти, перераспределяя нагрузку через систему рычагов. По дороге они почти не разговаривали — только Ева иногда описывала вслух то, что видела:

«Слева — овраг, затянутый туманом, справа — скалы, похожие на старые книги, впереди — поворот, за ним, кажется, спуск».

Коваль кивал и добавлял что-то от себя:

«Овраг пахнет стоячей водой, не подходи близко. Скалы — известняк, тёплый, они держат тепло даже ночью».

На закате они вышли к руинам старого постоялого двора. От него остался только фундамент, остов печной трубы и вывеска «Три пор...» — дальше было сколото. Решили заночевать здесь.

Ева развела костёр (Коваль помог — он чувствовал тепло даже сквозь землю и точно указал, где закопаны старые угли), и они поужинали хлебом и вяленым мясом. Солнце село. Небо над головой начало мерцать голубыми венами — не такими яркими, как днём, но достаточно, чтобы было не по себе. И тут Ева почувствовала это. Не увидела, не услышала — именно почувствовала. Чувство было такое, будто за её спиной кто-то стоит. Молча. Не дыша. Глядя в затылок. Она обернулась. За руинами, в сумерках, сгустилась фигура. Высокая, тощая, закутанная в плащ из дыма и теней. У неё не было лица — только два провала на месте глаз и трещина на месте рта. Фигура парила в воздухе, чуть покачиваясь, как водоросль в толще воды, и от неё тянуло холодом и голодом — таким голодом, который не утоляют пищей.

— Коваль, — тихо сказала Ева, — у нас гость.

— Знаю, — так же тихо ответил механик. — Я его уже минут пять чую. От него пахнет холодом и пустотой. Это Сущность. Новорождённая. Она ещё не знает, кто она.

— Оно опасное?

— Оно голодное. Оно питается теплом.

Существо склонило голову набок — движение было бы забавным, если бы не было таким жутким. Ева встала и вышла вперёд, заслоняя собой Коваля.

— Ты, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Ты меня слышишь?

—Го-лод-ны, — провибрировало существо.

Это был не звук, а скорее волна, прошедшая сквозь воздух и отозвавшаяся в груди. Слово было объёмным, многозначным: в нём слышался не просто голод тела, а голод бытия, желание длиться, желание быть.

— Я понимаю, — сказала Ева. — Я тоже голодна. Но я не нападаю на первого встречного. Давай договоримся: ты не трогаешь нас, а я даю тебе то, что тебе нужно.

—Что-о ты мо-жешь да-ть?

— Имя. — Она вытащила чертёж.

Линии на нём засветились, и от листа отделилась золотая нить, протянувшаяся к существу.

— Ты не Пожирающий. Ты — Вздох. Ты будешь моим ветром. Полетишь туда, где опасно, и расскажешь мне. А я буду кормить тебя. Не людьми. Теплом. Светом. Смыслом.

Существо замерло. Его очертания дрогнули, провалы глаз наполнились золотым светом.

—Вздо-ох, — провибрировало оно, и в этом звуке послышалось что-то похожее, на радость. — Я — Вздох. Мне нра-вит-ся.

— Вот и отлично. Лети.

И Вздох взмыл в небо, рассыпав сноп золотых искр. Коваль за её спиной хмыкнул:

— Ты или великая волшебница, или великая дура, девочка. Но пока ты с ним говорила, ты горела, как маленький котел. Я думаю, всё будет хорошо.

Ева не ответила. Она смотрела в небо, где исчез её новый союзник, и думала о том, что мир стал гораздо сложнее, чем был ещё вчера.

Глава четвертая

Врата Меридиана выросли перед ними на третий день — живые створки, сотканные из дыма, теней и золотых искр. В центре возвышалась Сущность, похожая на витраж из тысяч осколков. Она говорила голосом сотни голосов:

— Назовите себя. Или назовите то, что ищете. Иначе войдёте без лица. Коваль вышел вперёд:

— Я Коваль. Бывший кочегар. Ищу место, где мои руки ещё пригодятся. Витраж пропустил его. Ева шагнула следом:

— Меня зовут Ева Шеффер. Я ищу Арата. И я помню лицо своего деда. Его звали Прокл.

Витраж замер. Осколки сложились в старое, усталое лицо с морщинами-лучами вокруг глаз. Дед. Евино сердце пропустило удар.

— Прокл Архивариус, — произнёс витраж с неожиданной печалью. — Мы знали его. Он оставил кое-что для тебя, Ева Шеффер. Ты можешь войти.

И она вошла в город, которого не существовало на картах. Меридиан рос в гигантской горной расщелине: дома лепились к скалам, улицы висели на разных уровнях, соединённые подвесными мостами и галереями. Повсюду люди ходили бок о бок с Сущностями — кто в человеческом облике, кто в дымчатом, кто в искристых формах. Над городом пульсировала голубая вена. Следуя за Ковалём, который шёл без колебаний, ориентируясь на свои «линии тепла», Ева вышла к трактиру с вывеской «Три поршня». Внутри пахло жареным мясом, хлебом и озоном. За стойкой стояла полная рыжеволосая женщина с механическим скворцом на плече.

— Новенькие! — воскликнула она. — Я Лотта. Лотта — это я. А вы кто?

— Ева Шеффер.

— Коваль.

Скворец на плече хозяйки щёлкнул клювом: «Шеф-фер! Прокл! Прокл Шеффер!»

Лотта вышла из-за стойки и вдруг крепко обняла Еву:

— Внучка. Я знала твоего деда. Он останавливался здесь много лет назад. Сказал: «Когда-нибудь придёт моя внучка. Накорми её. И передай кое-что». Но сначала — еда.

Она усадила обоих за стол, принесла густое рагу и кружки с тёмным пивом. Ева ела жадно, почти не чувствуя вкуса. И пока она ела, Лотта рассказала то, что знала: Прокл действительно был в Меридиане двадцать лет назад — не перед казнью, а ПОСЛЕ неё. Живым. Изучал старые шахты под городом, встречался с какими-то Сущностями и однажды сказал Лотте: «Если со мной что-то случится, дождись мою внучку. Она найдёт чертёж, и тогда всё начнётся».

— Что начнётся? — спросила Ева.

— Не знаю, деточка. Прокл темнил. Но он оставил вот это.

Лотта выдвинула ящик с двойным дном и достала небольшой кожаный футляр. Внутри лежала записная книжка с инициалами «П.Ш.» на обложке — дедова. Ева открыла первую страницу, и мир вокруг на мгновение замер. *«Ева, если ты это читаешь — значит, я уже не с тобой. Не вини никого. Я сам выбрал этот путь. Арат жив. Он не умер триста лет назад — он заперт в собственной башне. Я был одним из тех, кто помогал ему. И я знаю, что ты — Ключ, который откроет дверь. Но пока ты не готова. Сначала ты должна узнать, кто охотится за тобой. Это Сущность, которую Арат создал триста лет назад и не смог уничтожить. Её зовут Первая Ошибка, и она умеет принимать любой облик. Она уже близко. Будь осторожна. Я люблю тебя, внучка. Дед».*

Ева перечитала записку дважды. Лицо её побледнело, но руки не дрожали. Она спрятала книжку в карман к чертежу, подняла глаза на Лотту и Коваля и хотела что-то сказать. Но не успела. Дверь трактира отворилась. На пороге стоял высокий, неестественно худой молодой человек в тёмном плаще. Волосы пепельные, глаза разного цвета — один светло-серый, второй янтарный с вертикальным кошачьим зрачком. На скуле — татуировка: спираль в семь витков. Знак Хранителя Тишины.

— Рен? — нахмурилась Лотта. — Мальчик, тебе мало проблем с Инквизицией?

— Мне всегда мало, — отозвался он без улыбки. — Я пришёл предупредить. Инквизиция Меридиана объявила розыск. Ищут девушку с чертежом. Говорят, она убила Хранителя. — Его взгляд остановился на Еве. — Я так понимаю, это ты.

— Нет, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Я впервые в городе и никого не убивала.

— Я знаю. Чувствую. От тебя не пахнет смертью. — Рен прошёл и сел напротив. — Я чувствую запахи эмоций. Это мой дар. От тебя пахнет любопытством и почему-то корицей. И ты не боишься. Почему?

— Я не боюсь того, что могу понять.

Рен хмыкнул и покачал головой. А потом заговорил — быстро, тихо, так, чтобы слышали только сидящие за столом. Прошлой ночью в Старой Плавильне нашли тело. Хранителя Тишины — того, который вёл облаву в Восьмом секторе архивов Фароса. Ева вздрогнула: она знала этого человека. На груди Хранителя была рана — ровная круглая дыра, будто сердце вынули аккуратным сверлом. Края раны — гладкие, спекшиеся. Внутри — золотая пыльца. Точно такая же, какой светился чертёж Арата.

— Инквизиция считает, что убила ты, — повторил Рен. — Потому что никто больше не носит с собой «еретический артефакт». Но я говорю тебе: убийца — не человек. Я был на месте преступления через час. Оттуда пахнет не гневом, не злобой, а одиночеством и болью. Так пахнут раненые существа, которые убивают не потому, что хотят, а потому, что не знают другого способа существовать.

Ева слушала, и перед её мысленным взором уже выстраивалась схема. Не механическая — логическая. Кто-то, обладающий магией Арата, преследует носителей ключа. Этот «кто-то» может менять облик. Этот «кто-то» уже убил по меньшей мере одного человека. И, судя по тому, что чертёж нагревался каждый раз, когда в разговоре упоминалась Плавильня, убийца был рядом.

— Ты сказал — Старая Плавильня? — переспросила она.

— Да.

— Нам нужно туда.

— Прямо сейчас? Инквизиция всё ещё там. Место оцеплено.

— Тогда ночью. — Ева поправила очки. — Я должна увидеть следы сама. Рен помолчал, потом кивнул:

— Я проведу. Но учти — если нас поймают, казнят обоих без суда.

— Я учту, — ответила Ева.

До ночи они сидели в трактире. Лотта принесла ещё пива и хлеба. Коваль дремал, его протез тихо шипел. Вздох, просочившийся в щель под дверью, устроился в углу и медленно пульсировал золотыми искрами. Рен оказался разговорчивее, чем Ева ожидала. Он рассказал, что был одним из лучших Хранителей Тишины — тех, кто выискивает магию и подавляет её. Три месяца назад, в день Всплеска, его отряд отправился в шахты под городом, потому что приборы показали колоссальный магический выброс. Там, в темноте, на глубине трёхсот футов, он столкнулся с Сущностью невероятной силы. Она не убила его — она дала ему «дар». Эмпатию. С тех пор он слышит эмоции как запахи и чувствует боль других как свою собственную. Маску Хранителя он снял и больше не мог надеть — она душила его, мешала «нюхать». Инквизиция объявила его предателем.

— Ты сказал — в шахтах, — ухватилась Ева. — Ты видел её? Эту Сущность? — Мельком. Она была огромной. И очень старой. От неё пахло... временем. Как от древней книги, которую забыли в подвале на тысячу лет. И ещё болью. Невыносимой болью. Я убежал.

— Но сейчас ты готов вернуться?

— С тобой — да. — Он улыбнулся одними уголками губ. — Ты странная, Ева-Архивариус. Ты пахнешь так, будто ничего не боишься. А в этом городе это большая редкость.

— Я боюсь, — сказала она. — Но я не позволяю страху управлять мной. Это разные вещи.

Она вспомнила дедов урок: «Страх — как давление в котле, внучка. Если его слишком мало — механизм не работает. Если слишком много — взрывается. Надо, чтобы было ровно столько, чтобы крутить шестерни».

В сумерках она достала чертёж и положила его на стол. Линии немедленно пришли в движение, собираясь в узоры, которые она уже начинала узнавать. Один из узоров повторялся чаще других — три спирали, заключённые в круг. «Узел третьего порядка. Используется для запирания магических потоков». — Что это? — спросил Рен.

— Карта, — ответила Ева. — Или что-то вроде карты. Вот здесь — Фарос. Вот здесь — Меридиан. А вот эти три спирали... они обозначают запертые потоки. Один находится в Башне Архивов — там, где я нашла чертёж. Второй — под Старой Плавильней, я уверена. А третий — где-то в шахтах. — В шахтах — это я и встретил ту Сущность, — сказал Рен. — Значит, она стережёт узел?

— Или заперта в нём, — Ева вспомнила дедову записку. — «Арат создал её и не смог уничтожить». Возможно, он её запер. А Всплеск разбудил.

— Тогда почему она убила Хранителя? Просто попался под руку?

— Я узнаю, когда увижу место преступления.

В Старую Плавильню они пробрались глубокой ночью. Рен знал потайной ход через старые штольни, начинавшийся из подвала покинутого склада в двух кварталах от трактира. Ева, Коваль (который настоял, что пойдёт: «Я чую металл и камень, в темноте от меня больше толку, чем от зрячего») и Вздох двинулись следом. Плавильня встретила их запахом гари, остывшего металла и озона. Тело уже убрали, но место преступления было оцеплено деревянными щитами с печатью Инквизиции. Ева перелезла через ограждение и присела на корточки ровно там, где, по словам Рена, лежал убитый. Она не двигалась несколько минут, только глаза её скользили по брусчатке. Проклятая память фиксировала каждую трещину, каждую каплю воска, каждый волосок. А потом она начала видеть.

— Вот здесь он стоял, — произнесла она, указывая на чуть сдвинутый камень. — А вот здесь — убийца. Видишь, пыльца? — Она поднесла лампу ближе. На брусчатке мерцали едва заметные золотистые блёстки. — Она расположена полукругом, как будто убийца заходил сбоку. Жертва видела его и не боялась. Она даже не отступила — подошвы сапог оставили одинаковый нажим на всём следе. Она доверяла убийце.

— Или он выглядел как кто-то, кому она доверяла, — добавил Рен.

— Именно. А теперь смотри сюда. — Ева указала на брызги пыльцы на стене, образующие контур ладони. — Убийца опёрся рукой о стену. Он был возбуждён. Или устал. Или то и другое. А следы обрываются здесь.

Она подошла к огромному чугунному котлу в центре цеха. Изнутри котёл был пуст, но на дне маслянисто поблёскивала тёмная жидкость. И в ней — слабое голубое свечение.

— Здесь, — сказала Ева. — Убийца ушёл через котёл. Это не просто плавильня. Это узел. Один из трёх.

Она выпрямилась и посмотрела на Рена, на Коваля, на Вздоха, парившего под сводами.

— В шахтах под городом, — произнесла она. — Там, где ты встретил ту Сущность. И там, где находится третий узел. Мне нужно туда.

— Зачем? — спросил Коваль. — Чтобы тебя убили?

— Нет. Чтобы поговорить.

Рен тихо рассмеялся:

— Ты собираешься говорить с существом, которое проделывает дыры в людях?

— Если оно страдает — возможно, я смогу ему помочь. А если нет — тогда будем думать. Но сначала я должна его найти.

Она собрала образцы пыльцы, завернула их в чистую тряпицу, спрятала в карман и направилась к выходу. У порога обернулась к Рену:

— Ты сказал, что от убийцы пахнет болью. Это значит, что оно способно чувствовать. А если оно способно чувствовать — с ним можно договориться. — А если нет?

— Тогда, — Ева поправила очки, — я придумаю что-нибудь ещё. У меня голова как капкан. Щёлк — и готово.

И она шагнула в ночной Меридиан, чувствуя, как чертёж на груди пульсирует в такт её сердцу, как Вздох летит впереди, высматривая опасность, как Коваль мерно гудит протезом за спиной, а Рен — Рен идёт рядом, и от него пахнет (теперь она знала) старым дымом и новой надеждой.

Где-то глубоко под городом, в чреве горы, старая-старая Сущность открыла глаза. Она почувствовала Ключ — так близко, как никогда за триста лет. И завыла — тоскливо, одиноко, раненно. Охота началась.

Глава пятая

Старая Плавильня стояла на окраине Меридиана, там, где город врастал в скалу и начинал напоминать термитник. Когда-то здесь плавили руду — серебро, медь, свинец, всё, что добывали в горных выработках. Теперь от плавильни остался только остов: четыре стены, закопченные до черноты, провалившаяся крыша и огромный плавильный котел, ржавеющий в центре цеха. Говорили, что в этом котле до сих пор что-то жило — не огонь, а нечто иное, проснувшееся после Всплеска. Именно здесь нашли тело.

Ева вошла первой, привычно пригнувшись в дверном проеме, за ней — Рен, потом Коваль, чей протез тихо гудел в темноте. Вздох остался снаружи — «я после-жу, ес-ли при-дут чу-жи-е», провибрировал он и растворился в сумерках. Внутри пахло гарью и озоном. Гарь была старой, въевшейся в камни за десятилетия работы плавильни. Озон — свежим, магическим. А еще пахло кровью. Ева сразу узнала этот запах — сладковатый, с металлическим оттенком. В Архивах, когда она лазала по тайным ходам, ей случалось натыкаться на дохлых крыс и голубей, и запах был похож. Только сильнее.

Тело лежало в центре цеха, прямо под плавильным котлом. Кто-то аккуратно укрыл его куском парусины, но края ткани пропитались кровью, и на серой брусчатке вокруг расплылось темное пятно. Рядом стояла масляная лампа на низком табурете — зажженная, как будто специально для них.

— Странно, — сказала Ева. — Лампа. Кто-то ждал, что сюда придут.

— Или кто-то не закончил, — мрачно отозвался Рен.

Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и его разноцветные глаза (серый и янтарный) сверкали в полутьме. От него пахло — теперь Ева знала это — напряжением и чем-то еще. Железом. Ожиданием.

— Не подходи близко, — предупредил Рен. — Следы. Ты же хочешь их прочитать?

— Хочу.

Ева поправила очки привычным жестом — указательным пальцем подтолкнула дужку вверх — и медленно, очень медленно двинулась вокруг места преступления. Она не шла, а скорее плыла, ступая легко и бесшумно, и ее глаза за толстыми линзами скользили по полу, стенам, потолку, выхватывая детали, которых не заметил бы никто другой. Проклятая память. Она работала как регистрирующий аппарат: каждый камешек на брусчатке, каждая трещина в камне, каждая капля застывшей крови впечатывались в сознание навсегда. Ева не просто смотрела — она сравнивала. Вот здесь брусчатка чуть сдвинута — будто что-то тяжелое проволокли. Вот на стене свежая царапина — металлом о камень, на высоте человеческого плеча. Вот на полу — лужица. Не кровь. Вода? Но откуда в плавильне вода?

— Дождь? — спросила она вслух. — Сегодня ночью был дождь?

— Нет, — ответил Коваль.

Он стоял у входа, не двигаясь, но его слепые глаза были направлены точно на то место, где лежало тело. — Я не слышал дождя. А я слышу дождь за милю. — Значит, вода — не с неба. — Ева присела на корточки, почти касаясь носом лужицы. — Чистая. Без грязи. Без копоти. Такая вода бывает только... — В паровых котлах, — закончил за нее Коваль.

— Именно.

Она выпрямилась и теперь смотрела на тело. Пора. Она потянулась к парусине, но Рен перехватил ее руку:

— Я видел трупы. Много. Хочешь, я опишу? Тебе не обязательно...

— Я архивариус, — отрезала Ева. — Я работаю с документами. А тело — это тоже документ. Просто написанный не чернилами.

И откинула парусину. Мужчина — тот самый Хранитель Тишины, которого она видела в Фаросе, в Восьмом секторе Архивов. Теперь он лежал на спине, вытянувшись во весь рост. Лицо спокойное, почти умиротворенное — как у того кочегара на улице. Но на груди, аккурат над сердцем, зияла дыра. Не рваная рана, не ожог, не колотый удар — а именно дыра, ровная, круглая, будто кто-то взял сверло идеальной формы и просверлил грудную клетку. Только сверла не было — края раны были гладкими, как стекло. И внутри, в глубине, что-то слабо мерцало.

— Золотая пыльца, — прошептала Ева.

Она достала из кармана чертеж. Линии на нем пришли в движение — быстрее, чем когда-либо. Они пульсировали, перетекали, и их свечение совпадало по цвету с мерцанием внутри раны. Совпадало один в один.

— Чертеж резонирует, — сказала она. — Это та же магия. Тот же... почерк. — Арат? — спросил Рен.

— Или кто-то, кто использует его схемы.

Она снова склонилась над телом, изучая рану. Память послушно подкидывала сравнения: такие же дыры описывались в закрытых протоколах Гильдии Механиков, датированных годом 195-м по Остыванию.

Тогда в Фаросе произошла серия загадочных смертей — шестеро инженеров, работавших над секретным проектом, были найдены с аккуратными круглыми отверстиями в груди. Дело закрыли, объявив причиной смерти «несчастный случай при испытаниях парового оборудования». Ева тогда, читая протоколы (она, разумеется, читала их без разрешения, глубокой

ночью, под одеялом с масляной лампой), отметила, что характер ранений не соответствовал паровым механизмам. Теперь она знала, что это было.

— Первая Ошибка Арата, — сказала она. — Мой дед упомянул ее в записке. Сущность, которую Арат создал триста лет назад и не смог уничтожить. Она умеет принимать человеческий облик. И она охотится за Ключом. За мной. — Почему ты так уверена, что это она? — спросил Коваль.

— Потому что, — Ева обвела рукой место преступления, — здесь нет следов борьбы. Жертва стояла спокойно, пока убийца подходил. Она не кричала, не пыталась бежать. А Хранители Тишины обучены чувствовать опасность. Значит, убийца выглядел как тот, кому жертва доверяла. Или как нечто, что не вызывало страха.

— Или как тот, кого она искала, — добавил Рен. — Хранитель вел расследование. Искал «еретический артефакт». Если бы перед ним появилась девушка с чертежом в кармане...

Он не закончил фразу, но Ева поняла. Убийца мог принять ее облик. Или облик кого-то похожего.

— Нужно осмотреть все, — сказала она. — Каждую деталь.

Осмотр занял два часа. Ева методично, дюйм за дюймом, обследовала пол вокруг тела. Рен держал лампу, перемещаясь по ее указаниям. Коваль стоял на страже у входа, его протез тихо гудел в режиме ожидания. Время от времени он подавал голос: «Тишина. Вроде чисто». И снова замолкал. Первая находка обнаружилась в трех шагах от тела — маленький, почти незаметный кусочек кожи. Не человеческой — Ева сразу поняла это по текстуре. Кожа была тонкой, эластичной, с перламутровым отливом. Она напоминала змеиную, но более плотную.

— Линька, — сказала она. — Как у змеи. Или у ящерицы. Сущность меняет облик и сбрасывает старую «одежду».

Она аккуратно завернула находку в обрывок чистой ткани и спрятала в карман. Дальше — больше. На стене, рядом с тем местом, где стоял Рен, обнаружились микроскопические брызги золотистой пыльцы. Они складывались в контур — человеческую ладонь. Будто убийца оперся рукой о стену, и от его пальцев остался отпечаток.

— Он стоял здесь, — Ева указала на стену. — Ждал. Наблюдал за жертвой. А потом — быстрое движение. Шаг, удар, еще шаг. И исчез.

— Почему исчез? — спросил Рен.

— Потому что следы обрываются. Вот здесь, — она указала на пол в трех шагах от тела, — есть еще капли воды. А дальше — ничего. Как будто он просто испарился.

— Или принял другую форму, — сказал Коваль от двери. — Я слыхал о таком. Духи, что живут в котлах. Если котел горячий — они как пар. Если остыл — как вода. Могут течь, могут лететь. Кто их разберет.

Ева задумалась. Котел. В центре цеха стоял старый плавильный котел — огромный, ржавый, но не пустой. Она подошла ближе, чувствуя, как от металла тянет холодом. Странный холод — не естественный, не зимний, а глубинный, как от погреба, в котором хранят лед. Она заглянула внутрь. На дне котла, в лужице темной, маслянистой жидкости, что-то светилось. Слабое, голубое, пульсирующее.

— Здесь, — сказала она. — Здесь оно пряталось.

Рен подошел, встал рядом, всматриваясь в темноту. Его разномастные глаза сузились.

— Я чувствую его, — сказал он тихо. — Не здесь. Не сейчас. Но остаточный... запах. Эмоции. Эта тварь... она не злая.

— Что? — Ева не поверила ушам.

— Я серьезно. Злые пахнут горячей медью. Или гнилым мясом. А эта... от нее пахнет одиночеством. И страхом. Она боится, Ева. Она убивает не потому, что хочет, а потому что... вынуждена?

Он сам выглядел озадаченным. Эмпатия — его дар и проклятие — не давала однозначного ответа. Только смутное ощущение, которое противоречило логике.

— Ладно, — сказала Ева. — Разберемся. Сейчас важно другое. Мы знаем, что убийца — Сущность. Что она использует магию Арата. Что она была здесь и ушла через котел. Куда?

Вместо ответа она вытащила чертеж. Линии на нем пульсировали, и одна из них, самая яркая, указывала направление — туда, где в стене плавильни зиял темный провал. Тоннель. Старый, заброшенный, ведущий вглубь скалы.

— В шахты, — сказал Коваль. — Я знаю эти места. Тут раньше добывали серебро. Шахты тянутся на мили, до самого центра горы. Заблудиться — раз плюнуть.

— Но вы же ориентируетесь по звуку, — возразила Ева.

— Ориентируюсь. Но в шахтах звук обманчив. Эхо гуляет так, что не поймешь, откуда что. И там живут... другие.

— Другие?

— Такие же, как Вздох. Только старше. И злее. Они родились не во Всплеск. Они родились еще тогда, когда магия только ушла. Триста лет они росли в темноте. Голодные. Одинокие. Злые.

Ева помолчала. Потом спрятала чертеж, поправила очки и сказала то, что всегда говорила, когда было страшно, но идти надо было:

— Значит, нам туда.

В шахтах

Тоннель оказался узким, низким — Еве пришлось пригнуться, Рену и подавно. Стены были мокрыми, с них капала вода, и звук капель разносился под сводами, многократно отраженный и искаженный. Пахло сыростью, плесенью и все тем же озоном. Где-то далеко впереди гудел ветер — или то, что казалось ветром.

— Я здесь ничего не вижу, — пожаловался Коваль. — То есть... в моем смысле. Энергии почти нет. Только слабый фон. Как тлеющие угли.

— А я вижу достаточно, — ответила Ева.

Ее глаза, усиленные линзами, различали каждый выступ, каждую трещину. Проклятая память уже строила карту тоннеля — она запомнила каждый поворот, каждый подъем, каждый спуск. Если нужно будет вернуться, она вернется без колебаний. Рен шел позади, держа лампу. Его дыхание было ровным, но Ева чувствовала (или ей казалось?), что он напряжен. Его эмпатия в этом месте должна была сходить с ума — вокруг была пустота, а пустота для эмпата хуже, чем страх.

— Ты в порядке? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да. Просто... здесь ничего нет. Совсем. Как будто всё живое ушло отсюда. Впрочем, — он помедлил, — впереди что-то есть. Пятно. Теплое. Нет — горячее. Эмоция, но очень старая. Как застарелая рана.

Они продвинулись еще на сотню шагов. С каждым шагом воздух становился теплее, а запах озона — сильнее. А потом тоннель расширился, и они вышли в пещеру. Это была не природная пещера — слишком правильные очертания, слишком ровный пол. Скорее рукотворный зал, выдолбленный в скале много лет назад.

Стены были покрыты фресками — выцветшими, облупившимися, но еще различимыми. Ева подошла ближе и ахнула. На фресках изображались сцены, которых не могло быть в официальной истории. Люди и Сущности — вместе. Они строили города, возделывали поля, запускали в небо летающие машины. Люди держали в руках инструменты, Сущности — потоки света. Они работали сообща, и их лица (и у людей, и у Сущностей) были... счастливыми.

— Что это? — прошептал Рен, поднимая лампу выше.

— Правда, — ответила Ева. — Та правда, которую стерли. Магия не была врагом. Магия была... партнером. Люди и магия жили вместе, пока что-то не случилось.

— Остывание, — сказал Коваль. — Я слыхал легенды. Старики болтали в котельной, когда думали, что никто не слушает. Говорили, будто Остывание не было случайностью. Будто кто-то убил магию специально.

— Кто?

— Не знаю. Но картины эти... они старые. Очень старые. Может, еще до Арата.

Ева осматривала зал. В центре стоял постамент — каменный, грубо обтесанный. На нем лежала книга. Тяжелая, в темном переплете, с металлическими уголками. Ева подошла, осторожно прикоснулась — книга была холодной, как лед, но внутри ощущалось слабое биение, как сердцебиение. Она открыла первую страницу. Почерк — тот же, что на чертеже. Арат.

«Если ты читаешь это — значит, ты нашел мое убежище. Не суди меня строго. Я не хотел, чтобы всё так вышло. Я создал Единорога — так я назвал свою Первую Сущность. Он должен был стать мостом между миром людей и миром магии. Но я ошибся в расчетах. Единорог получился... слишком человечным. Он умел чувствовать. И первое, что он почувствовал, — боль. Боль мира, из которого уходила магия. Боль людей, которые теряли веру. Боль будущего, которое не наступит. И тогда он решил, что единственный способ прекратить боль — прекратить всё. Я запер его здесь, в этих шахтах, триста лет назад. Я думал, что время усыпит его. Но Всплеск разбудил его снова. И теперь он ищет Ключ — того, кто откроет дверь окончательно. Он думает, что если магия вернется полностью, боль уйдет. Он ошибается. Полное возвращение магии уничтожит мир людей. И он не видит этого, потому что ослеплен своей болью. Если ты — Ключ, если ты нашел эту книгу — знай: Единорог будет искать тебя. Он может принять любой облик. Он может говорить голосом твоих близких. Он может выглядеть как ты сама. Не верь ему. Но и не убивай его — если сможешь. Он не злой. Он просто ранен. Останови его. Иначе мир умрет. Арат».

Ева закрыла книгу. В пещере повисла тишина — только вода капала да сердце колотилось где-то в горле.

— Он не злой, — повторил Рен. — Я же говорил. Он просто ранен.

— Это не меняет того, что он убил человека, — сказала Ева. — И убьет еще, если мы его не остановим.

— Остановить и убить — разное, — заметил Коваль.

— Я знаю. — Она убрала книгу в заплечный мешок, туда же, где лежала записка деда. — Мы попробуем поговорить с ним. Но если не получится... Она не закончила фразы. Где-то в глубине шахты, далеко-далеко, что-то взвыло. Не по-звериному, а скорее по-человечески — но искаженно, как голос, многократно отраженный от стен. Вой был полон тоски и боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.